

Если уже в 1861 году правительство вступило на путь кровавого подавления крестьянского движения, то в 1862 году реакция была уже в полном разгаре. Ее блестяще охарактеризовал В. И. Ленин в известной работе «Гонители земства и Аннибалы либерализма» (1901).

Правительственная реакция непосредственным образом коснулась Некрасова, ибо следствием ее была длительная приостановка его журнала и арест его ближайших сотрудников по журнальной работе, среди которых никто не был ему так лично близок, как Чернышевский (Добролюбов умер еще в ноябре 1861 года). Как только закончился восьмимесячный срок приостановки журнала, Некрасов возобновил его издание. Правда, среди его сотоварищей по изданию уже не было ни Добролюбова, ни Чернышевского, но последний, и находясь в заключении, продолжал работать для «Современника». В трех весенних (№№ 3, 4 и 5) книжках журнала за 1863 год появился его замечательный роман «Что делать?». Одного появления этого романа, проповедовавшего революционные, социалистические и материалистические идеи, было достаточно, чтобы каждый сознательный читатель убедился, что «Современник» не помышляет спускать флага перед реакцией. Демократическое направление придавали «Современнику» и новые соредакторы Некрасова — М. Е. Салтыков-Щедрин, М. А. Антонович, Г. З. Елисеев, А. Н. Пыпин (двоюродный брат Чернышевского). Среди них непоколебимостью своих революционно-демократических убеждений и размерами художественного дарования выделялся Салтыков-Щедрин. Он обогатил «Современник» рядом художественных произведений, вошедших впоследствии в его сборники «Сатиры в прозе» и «Невинные рассказы», и множеством ценных публицистических («Наша общественная жизнь») и критических статей.

«Современник» этих лет (1863—1865) вел жестокую полемику с реакционными и либеральными органами печати («Русским вестником» Каткова, «Отечественными записками» Краевского, «Эпохой» братьев Достоевских).

Но не только как редактор-издатель «Современника» боролся Некрасов с реакцией. Он боролся с ней и как вдохновенный поэт революционной демократии. Главным орудием борьбы против реакции Некрасов избрал сатиру, и никогда сатирические элементы его поэзии не достигали еще такого развития, как в середине второй половины 60-х годов. Однако, борясь с реакцией, Некрасов нередко прибегал и к чисто лирическим жанрам.

Особенно характерны стихотворения 1862 года — «Литература, с трескучими фразами...» и «Надрывается сердце от муки...». И в одном и в другом говорится, что, измученный впечатлениями реакции, поэт ищет отдыха и успокоения на лоне природы. Но жизнь на лоне природы, если и может дать успокоение мятущейся душе поэта, то только на время. Жизнь на лоне природы — это жизнь в деревне, а деревенские впечатления не только не приносят успокоения, а дают пищу для новых тревог, для новых мучительных душевных переживаний, ибо

... крестьяне с унылыми лицами
Не услаждают очей;
Их нищета, их терпенье безмерное
Только досаду родит...

И не только потому жизнь на лоне природы, в деревенской обстановке не может дать успокоения душе поэта, что его возмущают «нищета, терпенье безмерное» народа, но и потому, что вокруг себя он видит всё те же картины крестьянского горя и бедности. Попрежнему вянет «до времени»

Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать!

Вянет потому, что превышает человеческие силы тот труд, который падает на плечи крестьянки в знойные дни «страды деревенской» («В полном разгаре страда деревенская...», 1862). Попрежнему опустошающие пожары истребляют целые деревни («Пожарище», 1863).

Приблизительно в одно время с «Пожарищем» создано и другое лирическое стихотворение Некрасова — «Калистрат», изображающее крайнюю степень бедности народа.

В деревенской тиши реакция подчас напоминает о себе весьма ощутительно, о чем свидетельствует содержание «дорожного» стихотворения «Благодарение господу богу...» (1863).

«Дорожные» стихотворения обычно строились или как изложение бесед с ямщиками («В дороге»), или как описание дорожных встреч («Школьник») или встреч по Владимирке с политическими ссыльными. К числу последних стихотворений относятся стихотворение «Перед дождем», а тем более стихотворение «Благодарение господу богу...». Последнее отличается от первого не только своими размерами, — оно приблизительно в три раза больше, — но и несравненно большей конкретизацией и политическим заострением темы. В стихотворении «Перед дождем» только одно слово «жандарм», замененное из цензурных соображений в печатном тексте словом «денщик», дает понять, что речь идет о «преступнике», отправляемом в ссылку. В стихотворении же «Благодарение господу богу...», представляющем диалог между бариним (он же автор) и ямщиком, уже дается характеристика как дороги, так и «преступника»:

Скоро попались нам пешие ссыльные,
С гиком ямщик налетел,
В тряской телеге два путника пыльные
Скачут... едва разглядел...

Подле лица — молодого, прекрасного
С саблей усач <негодяй>...
Брат, удаляемый с поста опасного,
Есть ли там смена? Прощай!

Нет надобности распространяться об исключительной остроте и резкости этого стихотворения.

Некрасов буквально не находит слов, чтобы выразить по адресу ссылаемого юноши чувство уже не просто симпатии, а искренней и глубокой любви. Уже наружность его в изображении поэта обаятельна: «лицо — молодое, прекрасное». Упоминание о молодости сразу же дает понять, что речь идет о представителе молодого поколения, что вполне соответствовало действительному положению вещей, ибо в те времена основные кадры революционных деятелей составляло именно молодое поколение. Эмоциональную выразительность образа «путника пыльного» подчеркивает исключительно смелое, более чем определено выявляющее отношение к нему автора обращения:

Брат, удаляемый с поста опасного,
Есть ли там смена?..

Говоря о борьбе Некрасова-поэта с реакцией в трехлетие от 1862 по 1864 год включительно, следует отметить, что Некрасов использовал в ней преимущественно лирические жанры. Однако время от времени он обращается к сатире.

Мы имеем в виду стихотворение «Из автобиографии генерал-лейтенанта Федора Илларионовича Рудометова 2-го, уволенного в числе прочих в 1857 году». Оно принадлежит к числу наиболее злых сатир Некрасова. Он как бы говорит ему, что дикая разница, ознаменовавшая данный период времени, привела к тому, что и учеными учреждениями, и

цензурным ведомством, и обширными краями государства российского управляют оголтелые реакционеры, которые при ближайшем рассмотрении оказываются людьми абсолютно невежественными, яростными гонителями науки, литературы, журналистики, книжного дела, а в тех случаях, когда им приходится возглавлять администрацию вверенных им «обширных краев», способными администрировать по более чем несложному «девизу»:

«Блюди — и усмирай!»

Сформулировав этот девиз, Некрасов в известной мере предвосхитил Щедрина как бессмертного автора «Помпадуров и помпадурш» и «Истории одного города».

Несколько позже (в 1864 году) написано Некрасовым стихотворение, которое как бы отвечает на вопрос, до какого невыносимо тяжелого положения доведен русский народ хозяйничанием Рудометовых и им подобных. Это — знаменитое стихотворение «Железная дорога».

Присматриваясь к образу «генерала» «в пальто на красной подкладке», приходится констатировать, что в нем сильно и красочно отражены характерные стороны психологии и мирозерцания реакционера. Он безгранично самоуверен, он склонен к лакировке действительности («Вы бы ребенку теперь показали Светлую сторону...»), наконец, он полон циничного презрения к народу, который является в его глазах «варварами, диким скопищем пьяниц», состоящим из «разрушать мастеров».

Однако центральное место в «Железной дороге» занимает не образ «генерала» с его возмутительными рассуждениями, а потрясающая картина народных бедствий, социальный смысл которой обострен тем, что народу противостоят в ней отвратительные образы его угнетателей и эксплуататоров. И нет ничего удивительного, что цензура яростно обрушилась на это произведение. Помещение «Железной дороги» на страницах только что освобожденного от предварительной цензуры «Современника» стоило журналу «предостережения». «Железная дорога» — произведение, сливающее элементы сатиры и чистой лирики, — отличается удивительной четкостью композиции. «Железная дорога» делится на четыре части.

Первая часть дает картину осенней природы, имеющую в «Железной дороге» совершенно определенную функцию. Она понадобилась поэту, во-первых, для того, чтобы противопоставить красоту, разлитую в природе («Нет безобразья в природе!.. Всё хорошо под сиянием лунным»), тому «безобразью», которое царит в мире человеческих отношений благодаря несправедливому социальному строю, и, во-вторых, лишний раз подчеркнуть свою любовь к «родимой Руси».

Вторая часть стихотворения начинается необыкновенно красочно и художественно выраженным рассуждением о тех экономических факторах, которые вызывают эксплуатацию труда капиталом:

В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод названье ему.

Далее в кратких, но сильных выражениях говорится о жертвах, которые потребовала постройка дороги:

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то всё косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Как ни эмоциональна эта картина, поэт не хочет ею удовольствоваться и прибегает к особому приему: он изображает тени людей, умерших на постройке железной дороги, мало того, он заставляет их петь заунывную и мрачную песню, повествующую об их страданиях. Хотя реалистический характер стихотворения исключает возможность того, чтобы читатель

поверил, что перед ним действительно мертвецы, вставшие из гроба, а не образы, созданные творческой фантазией автора, и мысль и чувство которого прикованы к страшной участи строителей дороги, всё же благодаря этому приему сила производимого «Железной дорогой» впечатления чрезвычайно возрастает. «Пение дикое» преследующих поезд мертвецов («То обгоняют дорогу чугунную, То сторонами бегут») воспринимается как стон всего народа, а образ «высокорослого, больного белоруса» («Губы бескровные, веки упавшие» и т. д.) — не столько индивидуальный образ, сколько воплощение неизбывных страданий опять-таки всего народа.

В третьей и четвертой частях «Железной дороги» Некрасов ставит и разрешает вопрос о виновниках бедствий «строителей дороги», а вместе с тем и более общий вопрос о виновниках страданий народа.

Об одном из этих виновников, сановном реакционере («генерал» «в пальто на красной подкладке»), уже было сказано. Наряду с ним не менее отрицательная характеристика дается поэтом представителю буржуазии. Это — «Толстый, присадистый, красный, как медь» «подрядчик». Он, именно он, осуществил на постройке железной дороги систему самой циничной эксплуатации — обсчитыванья, обмериванья, обвешиванья рабочих, благодаря чему при окончании работ не он рабочим оказался должен, а они ему. И вот он разыгрывает гнусную комедию: не только дарит рабочим мнимую «недоимку», но и выставляет им «бочку вина». И рабочие настолько темный и забытый народ, что выпрягают лошадей и на себе везут обобравшего их «купчину».

Кроме этих основных образов врагов и угнетателей народа, в «Железной дороге» фигурирует еще ряд вскользь упоминаемых, сравнительно мелких хищников. Это — «грамотеи десятники», принимающие деятельное участие в ограблении рабочих; это — мелкие полицейские чиновники, которые, исполняя волю «начальства», «секут рабочих» и т. д. Не им, конечно, принадлежит решающая роль, но без упоминания о них общая картина эксплуатации была бы неполной.

Однако система образов в «Железной дороге» не ограничивается указанными выше. Если бы они были только образами страждущих угнетенных и торжествующих угнетателей, то стихотворение неизбежно производило бы крайне мрачное впечатление. Некрасов не хочет этого допустить, ибо, допустив его, он исказил бы действительность; поэтому он вводит образ рассказчика, автора. Этот последний — одно из главных действующих лиц в стихотворении. Описание осени в первой части и чувств, возбуждаемых осенней природой, характеризует его как пламенного патриота, влюбленного в свою родину. В своем рассказе об истинных строителях железной дороги (вторая часть) он проявляет себя глубоким мыслителем, превосходно разбирающимся в социально-экономической структуре современного общества, и пламенным народолюбом, всем сердцем сочувствующим страданиям эксплуатируемых масс. В беседе с генералом, требующим от него, чтобы он показал ребенку «светлую сторону», он как будто бы готов удовлетворить этому требованию, но на самом деле рисуемая им «отрадная картина» приобретает явно и ярко подчеркнутый иронический смысл. Наконец, в уста лирического героя вложены те бессмертные слова, которые позволяют говорить о нем, как о человеке, не поддающемся пессимизму, даже стоя лицом к лицу с наиболее мрачными сторонами современной действительности. Не только к мальчику Ване, случайному соседу по купе, но ко всему молодому поколению России обращается лирический герой, когда говорит:

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет всё, что господь ни пошлет!

Вынесет всё — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.

Подобные дороги прокладываются только одним способом — победоносной народной революцией. В нее крепко верил Некрасов и эту веру передал лирическому герою стихотворения «Железная дорога», образ которого сливается с его собственным образом.

Если можно видеть в образах гибнущих строителей дороги, в образах их угнетателей и эксплуататоров типы широчайшего общественного захвата, то то же самое следует сказать и об образе лирического героя. В нем Некрасов воплотил черты лучшего представителя своего времени, подлинного революционного демократа.